

Взятие Парижа

в 1814 году

Салават Асфатуллин

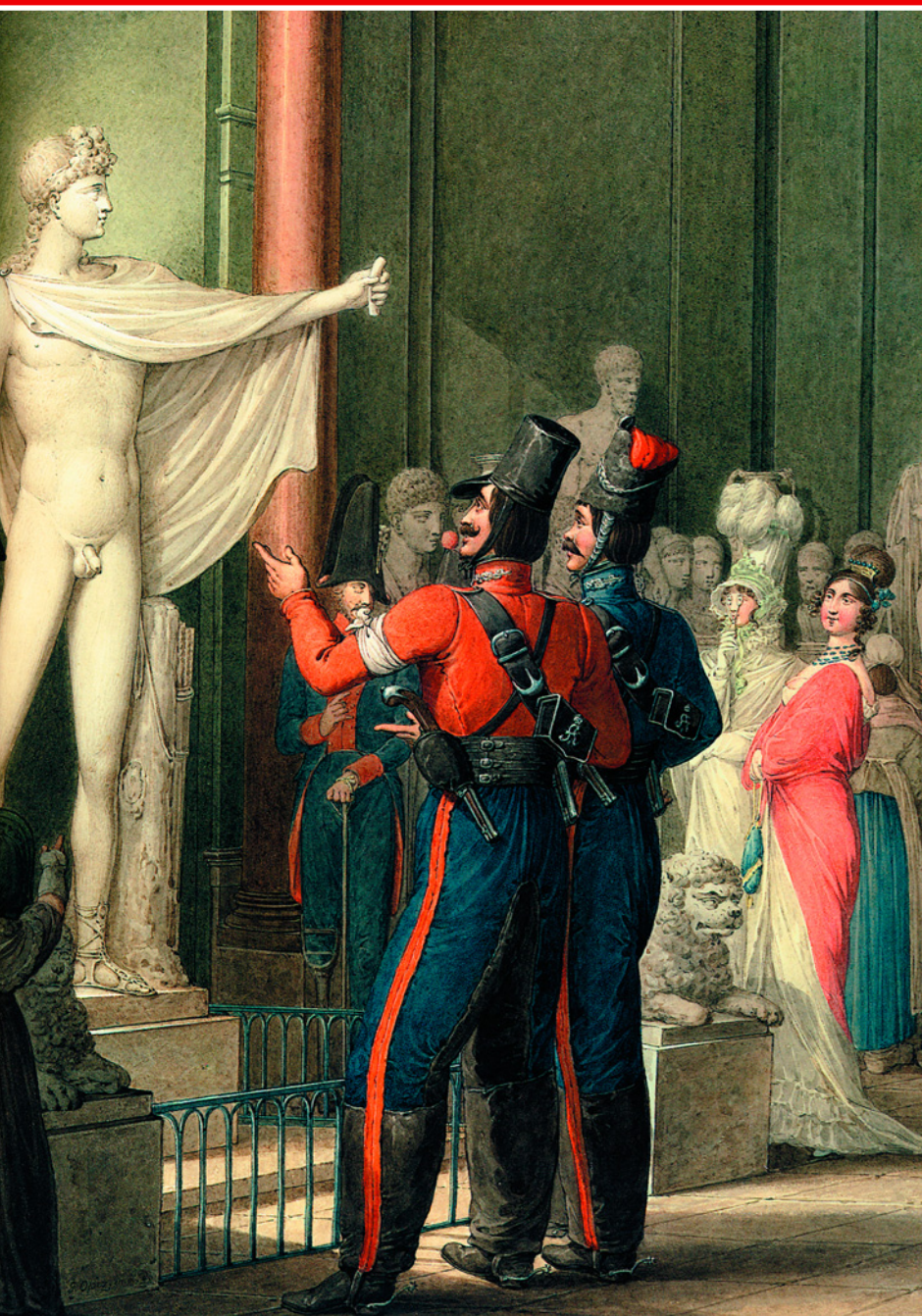
В начале января 1814 года союзные армии, состоящие из русских, австрийских, прусских и немецких войск, переправились через Рейн, по которому проходила западная граница Франции, и развернули наступление на Париж. Как писал военный писатель, автор первой официальной истории Отечественной войны 1812 года А.И. Михайловский-Данилевский: *«Начало сего похода было для нас удовлетворительно, потому что мы заняли в три недели знатную часть Франции; неприятельские войска при приближении нашем повсюду отступали, и города, коих префекты возбуждали пышными воззваниями к обороне, отворяли перед нами ворота свои».*

После сражения при Арси-Сюр-Об Наполеон внезапным маневром вышел в тыл союзникам и перерезал их коммуникации, тем самым надеясь развернуть противостоящие ему войска и отвлечь противника от Парижа, на защиту которого у него уже не хватало сил. Но просчитался. К тому же планы Наполеона стали известны: письмо к императрице Марии-Луизе, где он сообщал о них, было перехвачено генералом Чернышевым. Поэтому союзники просто послали для наблюдения за Наполеоном сводный кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Винценгероде, а сами, соединив 12 марта¹ в районе Витри-ле-Франсуа Главную и Силезскую армии, отрезали Наполеона

К тому же планы Наполеона стали известны: письмо к императрице Марии-Луизе, где он сообщал о них, было перехвачено генералом Чернышевым. Поэтому союзники просто послали для наблюдения за Наполеоном сводный кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Винценгероде, а сами, соединив Главную и Силезскую армии, отрезали Наполеона от Парижа, и начали стремительный марш на французскую столицу.

В статье использована серия акварелей «Казак в Париже в 1814 году» австрийского художника, очевидца событий Георга-Эммануэля Опица.

¹ Даты в статье указаны по новому стилю.

от Парижа, и начали стремительный марш на французскую столицу.

13 марта корпус М. С. Воронцова двинулся к французской столице и занял город Вертю. В тылу французской армии развернулись широким фронтом партизанские отряды Сеславина, Кайсарова, Чернышева и Теттенборна. Легкоподвижные силы казаков быстро переходили с фланга на фланг и разрушили Орлеанский канал, соединявший Луару и Сену, чем неожиданно для неприятеля прервали связь Парижа с южными областями Франции, откуда в город доставлялось по каналу продовольствие. Путь союзникам на

Париж преграждали войска маршалов Мармона и Мортье, генералов Аме и Пакто, насчитывающие в общей сложности всего 23 тысячи солдат и 84 орудия. Неожиданными и стремительными действиями отряд Сеславина, другие казачьи полки, вызвали панический страх у неприятеля, деморализуя силы противников, бежавшие к Фер-Шампенуазу. Сражение, состоявшееся здесь 13 марта, закончилось победой союзников. Было захвачено 10 тысяч пленных, 80 пушек, 200 зарядных ящиков и весь обоз.

Особо отличился лейб-гвардейский казачий полк, состоявший непосред-

ственно в конвое императора Александра I. Он был сформирован в 1798 году из донской и чугуевской придворных конвойных команд и донского казачьего эскадрона из лейб-гусарского казачьего полка. Награжден Георгиевским штандартом «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 года», а также серебряными трубами с надписью «За отличие против неприятеля в минувшую кампанию 1813 года».

В этом сражении участвовали также два калмыцких полка буддистов, в память об участии которых в Отечественной войне воздвигнут Хошеутовский храм и поставлен памятник в Элисте. С горечью следует констатировать, что в Уфе нет памятника ни одному из 20-ти номерных башкирских казачьих полков, ни двум тептярским и двум мишарским полкам, участвовавших в Отечественной войне 1812 года, освобождении Европы в 1813-1814 годах и во взятии Парижа, о чем свидетельствуют награды полученные башкирскими казаками.

Высокая организованность башкир в оказании помощи действующей армии была признана и властями. По окончании войны Александр I поручил оренбургскому военному губернатору Волконскому объявить от лица России «благоволение» башкирам и мишарам за их «похвальное усердие Отечеству», за участие в войне и жертвования. Одновременно с участием в битвах, 8000 башкир продолжали охранять Азиатскую границу по Оренбургской линии под общим командованием генерал-губернатора князя Волконского.

Однако вернемся к концу войны.

Вынужденные сложить оружие в битве при Фер-Шампенуазе, французы были отброшены к Парижу. Но преследовавший их отряд Сеславина, отнимал у неприятеля все средства для наведения и восстановления мостов. Тем временем Наполеон

ESTAMINET
DU VIN D'ALDEVI
COGNAC, DOUBLE
BIÈRE DE MARS.

с 50-тысячной армией 14 марта в тылу союзников при Сен-Дизье нанес поражение корпусу Винценгероде, потерявшего свыше 1300 человек. И тут только Наполеону открылась страшная истина, что за конницей Винценгероде армий союзников нет. Только на следующий день он узнал о движении их к столице. И хотя он тут же повернул свою армию маршем к Парижу, ситуация сложилась критическая – для защиты города имелось всего до 45 тысяч солдат и 150 орудий.

Паническое настроение царило и в самом Париже, общее командование войсками в котором осуществлял старший брат Наполеона Жозеф Бонапарт (в 1808-1813 годах под именем Иосиф I Наполеон – король Испании). Адмирал А.С. Шишков писал в своих «Записках» о том времени: «...между тем Наполеон распускал глупые и смешные лжи об нас, русских <...> что мы варвары, дышим злобой и мщением; что между нами есть дикие народы, которые жарят и едят малых детей, что ежели придем в их землю, то смешаем нечистую кровь свою с их чистой кровью и произведем в отечестве их варварскую породу людей <...> Выходцы из Франции (проживавшие в России – авт.) уверяют, что француженки не очень баснями его напуганы, и что напротив, многие из них любопытствуют увидеть сих варваров и почитают не великою бедою, если через несколько времени будут вокруг их прыгать маленькие казаки и башикирцы. Нелепая ложь сия рассмешила меня».

16 марта отряд генерала Компана, подошедший на помощь Парижу, предпринял при Кле еще одну попытку задержать наступление, но был отброшен прусскими корпусами Йорка и Клейста. На следующий день под Бонди, в восьми километрах северо-восточнее Парижа, французы вступили в бой с русским корпусом генерал-лейтенанта Раевского, но снова потерпели неудачу.

В шесть часов утра 30 марта наступление на Париж началось с атаки селения Пантен 2-м пехотным корпусом принца Евгения Вюртембергского. Одновременно генерал Раевский с 1-м пехотным корпусом и кавалерией Палена пошел на штурм высот Роменвиля. Гвардия оставалась в резерве.

Овладев несколькими населенными пунктами восточнее и севернее Парижа, союзные войска тем временем, на отдельных направлениях достигли городских окраин. 18 марта штурмом были взяты Бельвильские высоты и Монмартр. И здесь главную роль, без всякого сомнения, сыграли русские войска.

Днем позже, 17 марта, костромские, симбирские, рязанские и нижегородские ополченцы вместе с четырьмя башкирскими полками: 8-м, 12-м, 13-м, 16-м и 2-м мишарским под командованием генерала Розена, вынудили капитулировать неприятельский гарнизон крепости Глогау. Беннигсен объявил приказом благодарность всем чинам войск, которые *«невзирая на суровость зимнего времени, неоднократно отразили сильные покушения неприятеля, сбили его передовые посты и вынудили сдаться»*. Надо отметить, что в ходе освобождения Европы из десяти взятых осадой крепостей, восемь бралось с заметным участием ополчения, численность которого доходила до 66 310 человек.

Александр Иванович Михайловский-Данилевский записал: *«17 марта пополудни авангард наш достиг неприятеля, началось сражение, и Государь поехал к войскам по горам и между кустарников. Вдруг сквозь дым сражения увидели мы башни Парижа: «Париж! Париж! Вот он!», – воскликнули все, и все на него указывали. Восторг овладел нами, забыты трудности, усталость, болезни, раны; Но путь к оному прегражден еще был неприятелями. Поляки составляли арьергард их. Сокрушены уже были в России те страшные легионы, которые завоевали Египет, Голландию, Италию, Швейцарию и Германию; спасение Франции вручено было иностранцам: поляки почитались ныне лучшими из неприятельских войск. Странная участь славянского племени!»*.

Союзники спешили овладеть Парижем до подхода армии Наполеона, поэтому не стали дожидаться сосредоточения сил направлений. В шесть часов утра 30 марта наступление на Париж началось с атаки селения Пантен 2-м пехотным корпусом принца Евгения Вюртембергского. Одновременно генерал Раевский с 1-м пехотным корпусом и кавалерией Палена пошел на штурм высот Роменвиля. Как обычно, гвардия оставалась в резерве.

Союзные войска вышли к Парижу, достигнув его пригородов Пантен и Роменвиль. Было решено атаковать город. 18 марта произошло сражение. В нем участвовала

объединенная союзная армия, численностью около 100 тысяч человек, в том числе более 63 тысяч русских войск против 40–45 тысяч французов. Корпуса русского генерала-фельдмаршала Ф.В. Остен-Сакена и баварского фельдмаршала Карла-Филиппа фон Вреде оставались в районах Мо и Куломье, восточнее Парижа, для отражения возможного удара Наполеона с тыла.

Наступление союзников началось в 5 часов утра и планировалось одновременно сразу с трех направлений. Но фланговые корпуса подошли к рубежу атаки с большим опозданием. Поэтому вся тяжесть боевых действий в первой половине дня легла на русские войска Н.Н. Раевского, атаковавшие в районе Роменвиля превосходящие силы противника.

Овладев несколькими населенными пунктами восточнее и севернее Парижа, союзные войска тем временем, на отдельных направлениях достигли городских окраин. 18 марта штурмом были взяты Бельвильские высоты и Монмартр. И здесь главную роль, без всякого сомнения, сыграли русские войска. Как потом написал участник боев, полковник М.М. Петров: *«Выстрелы артиллерии обеих сторон, расщипав, обратились в неразрывные раскаты грозы, явившейся за полуденные часы. Укрепления неприятельские, штурмованные гвардейскими и гренадерскими корпусами россиян, переходили несколько раз из обладания одних к другим, противным, до 4-го часу пополудни, в которое время русской гвардии 2-я дивизия под геройским распоряжением генерал-лейтенанта Ермолова, подоспевшего на помощь опрокинутым гвардиям прусской и баденской, восстановила отрядный бой на нашей стороне, очистив все Пантенское предместье до заставы города. Оставалось только укротить гордыню широкопотемого исполина – Монмартра и сжать огнеметные зевы его чудовищ, зиявших и поражающих ряды колонн нашего Ланжеронового корпуса. И вот в половине 5-го часу пополудни приспешивший со всеми корпусами армии своей фельдмаршал Блюхер с размаху пустил штурмовую колонную нашу линию с музыкаю, барабанным боем и криком «ура» на крутизны Монмартра»*.

Вечером 19 марта маршал Мармон, фактически возглавлявший оборону Парижа, подписал капитуляцию. Ночью остатки французских войск оставили Париж, а наутро колонны армий-победительниц с барабанным боем, музыкой и распущенными знаменами, проследовав через ворота Сент-Мартен, торжественно вступили в столицу Франции. Затем состоялся четырехчасовой парад контингентов союзных войск. На Вандомской площади роялисты свергли с Вандомского памятника статую Наполеона, намереваясь разрушить памятник, чему воспрепятствовал император Александр I, приказавший поставить там русский пост.

По городу стал быстро распространяться слух о том, что российский император очень хорошо принял членов муниципалитета, обещал полную неприкосновенность личности и имущества, заявив, что берет Париж под свое покровительство. Парижане толпами высыпали на улицы города. Как вспоминали потом многие очевидцы, везде были женщины, даже на крышах домов.

Часть войск заняли караулы, а прочие пошли в назначенные им квартиры. Казачьи полки разбили биваки прямо в городском саду на Елисейских полях, а своих коней купали в Сене, привлекая к себе любопытные взоры парижан.

«Рост казаков, простота образа жизни, и самое неведение мест, куда они были заведены службою, все сие возбуждало любопытство французов, — писал очевидец событий, генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский. — Парижане, почитавшие Бельвиль и Аржантейль, Сенклу и Медон границей света, те, которым военные станы известны были только по рассказам сыновей их, смотрели с удовольствием на биваки, устроенные посреди их города. Остатки сена, которого лошади не съели, служили солдатам постелью. Пуки соломы покрывали коня их,

приставленные к деревьям, что обрзовывали род кровли, а под оною находились всадники и имущество их. Перед каждым биваком разло-

жены были огни, где варили пищу; казаки резали мясо, рубили дрова, чистили оружие или отдыхали, имея изголовьем седло своей лошади».

По городу стал быстро распространяться слух о том, что российский император очень хорошо принял членов муниципалитета, обещал полную неприкосновенность личности и имущества, заявив, что берет Париж под свое покровительство. Парижане толпами высыпали на улицы города.

Князь Н.Б. Голицын записал в своих «Офицерских записках»: «На следующий день, 20 марта, я получил позволение съездить в Париж, которого еще никогда не видел. Тем, которые спросили бы меня, что мне казалось всего удивительнее, я бы еще с большим основанием, чем венецианский дождь, мог отвечать – «То, что я здесь», – разумеется победителем, и действительно, вид этих калмыков и башкирцев, которые бродили по улицам шеголеватого Парижа, составляя совершенную противоположность с лицами и костюмами парижан, стоил, по своей странности, появления гордого дождя при дворе французском».

Жители Парижа относились к русским с теплотой, не испытывая к ним ни неприязни, ни страха. Больше же всего восторгу было у парижских мальчишек, которых казаки катали на лошадях, у торговки и кокотки, которые оценили русскую щедрость. Всегда были рады желанным гостям и хозяева кафе. Официанты в считанные дни выучили русское слово «Быстро!» и с рюмкой водки не задерживались. Именно с этим парижские легенды связывают название небольших кафе бистро, а сам этимологический казус увековечен на мемориальной доске на одном из ресторанов Монмартра.

Одним из замечательных свидетельств пребывания казаков в Париже стала серия акварелей Георга-Эммануэля Опица. Волею судьбы и герцогини Курляндской Шарлотты-Доротеи, которую он сопровождал, художник попал в Париж как раз в это время. Слегкой иронией, вообще присущей его искусству, Опиц запечатлел, может, единственный в истории войн случай дружного единения победителей и побежденных и атмосферу праздника, царившую при этом в городе.

Наполеон о капитуляции Парижа узнал, когда прибыл в Фонтенбло, в 55 километрах южнее столицы, и хотя он был полон решимости продолжать сражаться, его генералы Бертье, Ней, Макдональд, Удино

Сдавать французскую столицу Наполеон, понятно, не собирался, но казаков побаивался и, на всякий случай, приказал вывесить на улицах Парижа карикатурные лубки с изображением платовцев в непотребном виде, который должен был напугать парижан. Эффект получился обратный: вместо того, чтобы попрятаться по домам, жители города высыпали посмотреть на казаков. Статные и бородатые, они так красиво гарцевали на конях, что сердца французов, а еще больше француженки, таяли, словно мороженое в жаркий день. Так что

бравым красавцам совсем не сложно было исполнять указ атамана Платова: *«не обижать ихних мадамов и мамзель, кроме если по взаимному согласию. Помнить, что мы казаки русского императора, войско благородное и цибулизованное»*.

И действительно, как свидетельствует Виктор Гюго, казаки вели себя благородно. В Париже не пострадало ни одно здание, и никто из парижан не испытывал притеснений. О том же можно прочитать и в романе Жорж Санд «Казаки в Париже».

и герцог Бассано, опасаясь ожесточения союзников, которые из мести за Москву могут поджечь Париж, воинственных настроений императора не поддержали. Тут, очень некстати для Наполеона, вышедший из Парижа в Версаль (по условиям перемирия), Мармон со своим корпусом перешел на сторону Талейрана. А тот формировал по указанию союзников «временное правительство», стоявшее за низложение Бонапартов и реставрацию Бурбонов. Неожданная потеря одного из сильнейших корпусов французской армии серьезно подорвала позиции императора на переговорах. Теперь союзники выдвинули свое условие: безоговорочный отказ его от престола. Согласование условий отречения Наполеона продолжалось представителями России, Пруссии, Австрии, Венгрии и Богемии до 11 апреля 1814 года. Согласно договору, Наполеон и Мария-Луиза сохраняли титулы императора и императрицы, но лишались власти над Францией. Их наследникам также запрещалось претендовать на французскую корону. Во владение Наполеону передавался остров Эльба, суверенитет которого гарантировался союзными державами, с правом содержать при себе личную охрану в количестве не более 400 человек. Мария-Луиза получила в суверенное владение итальянские герцогства Парму, Пьяченцу и Гуасталлу. Недвижимое имущество Наполеона во Франции и коронные драгоценности передавались Королевству Франция. 11 апреля акт об отречении был привезен в Фонтенбло адъютантом императора Александра, генералом Орловым, и Наполеону ничего не оставалось, как подписать его. В тексте говорилось: *«Нет той личной жертвы, которую я не был бы готов принести в интересах Франции»*. Той же ночью Наполеон попытался отравиться, приняв сильную дозу опиума, но безуспешно. Последние годы жизни провел на острове Святой Елены пленником англичан.

На французский престол под именем Людовика XVIII был возведен брат казненного в 1793 году Людовика XVI. 18 мая между союз-

никами и Францией был подписан Парижский мир, завершивший войну. В августе 1814 года российская армия возвратилась в отечество.

С легкой иронией, присущей его искусству, Опиц запечатлел, может, единственный в истории войн случай дружного единения победителей и побежденных и атмосферу праздника, царившую при этом в городе.